

*И.Е. Пожилов**

**Для кого фандрайзинг, для кого грабёж
(об «экспроприации мироедов»
в аграрной революции КПК)**

АННОТАЦИЯ: Статья содержит краткий анализ эволюции политики КПК по экспроприации помещиков и *тухао* в период аграрной революции в Китае, а также некоторых иных способов мобилизации масс в советских районах в сопряжении с кампаниями фандрайзинга.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: КПК, аграрная революция, «*да тухао*».

* Пожилов Игорь Евгеньевич, к.и.н., ведущий научный сотрудник ИДВ РАН, Москва, Россия; E-mail: pozhilov1@yandex.ru

© Пожилов И.Е., 2018

Когда на заре аграрной революции коммунисты только начинали «поднимать массы», самые смыслёные и бойкие из крестьян, с великим трудом разобравшись что к чему, заявляли непрошеным благодетелям¹ примерно так: «Ваши „потроши *тухао*, дели землю“ хороши

¹ Как ни удивительно, но в глубинке, причём даже столь «славной революционными традициями» Хунани, крестьяне «не сразу соображали, что такое *тухао* (мироеды. — *Ред.*), а что такое *лешэнь* (тираны и эксплуататоры. — *Ред.*)» [1, с. 391–392], хотя «Долой *хаошэнь* (т.е. мироедов и эксплуататоров. — *Ред.*)!», насколько известно, входил в число популярных призывов альянса КПК–ГМД. Вопреки партийно-историческому официозу КНР и отчасти зарубежной историографии, повествующим едва ли не о манипулятивном могуществе коммунистов в деревне периода единого фронта, сколько-нибудь ощутимыми достижениями в овладении крестьянскими массами (город и армия тоже не исключение) они похвастаться не могли. Действуя под флагом националистов («массы не отличали КПК от Гоминьдана») и не выдвинув собственной аграрной программы, партия на старте *туди гэмин* (аграрной революции. — *Ред.*) продолжала апеллировать к лишённому

для голодранцев, вот с ними и делайте что хотите» [5, с. 187]. «Крестьяне не поднимаются, пропасть пролегает между нынешним днём и тем, когда они от радости пускались в пляс, встречая армию *бэйфа*²», — с нескрываемой досадой докладывает в ЦК партии Жэнь Биши о ходе восстания «осеннего урожая» в Хунани. Не в пример коллеге, произведённый в троцкисты Гао Юйхань пустопорожними иллюзиями себя не тешил и, солидаризируясь с Чэнь Дусю³, предупреждал: «...Коль скоро обменять свою горячую поддержку Северному походу на наличные у крестьян не вышло, второй раз наступать на те же грабли они не станут, как их ни убеждай и ни агитируй» [7, с. 162; 2, с. 67].

Хотя и ставшее неоспоримой аксиомой, признание пропаганды сильнейшим оружием КПК на самом деле неверно. Неверно потому, что в ней не имелось особого резона: незатейливому, одношаговому крестьянскому разумению — что говорить об элементарной эрудиции? — было не пробиться к «высотам» даже примитивной марксистской проповеди (в своём невежестве коммунисты зачастую немногим уступали внемлющим). Вот как (хрестоматийный образчик) излагается проблема политпросвещения крестьян в мартовском (1928 г.) докладе вожака сяннаньского комсомола Сюй Линя: «Как водится, заговоришь о коммунизме, помянешь классовую борьбу, выдашь тираду против капитализма, вторую — за марксизм, ... хихикают» [8, с. 57]. Ничтожно малой эффективности партийной пропаганды способствовало и то обстоятельство, что крестьяне имели возможность сравнивать текущее с только что отгремевшей Великой революцией и, доверяя опыту, роптали: «Гоминьдан тоже говорил прекрасные речи, а сейчас власть заграбастал и про наши невзгоды тут же забыл, плюёт на нас, притесняет нас. Чем лучше коммунисты? Захватят власть, и всё будет по-прежнему» [9, с. 157].

здорового смысла суньятсеновскому «равнополю» и, хуже того, очень скверно представляла себе подлинные чаяния сельского обитателя (как правило, ниже уездного уровня коммунисты никогда не работали, ограничиваясь эпизодическими выездами на места). И, потом, всякий чужак в «своём» сообществе деревни, — а поначалу его «раскачивали» именно «кочующая» Красная армия да агитаторы из чужаков-*вайлайху* (кадровая партийная периферия укрылась в глубоком подполье), — априори не мог рассчитывать на отклик (см. [2, с. 63; 3, с. 34; 4, с. 70–71]).

² Речь идёт о Северном походе Национально-революционной армии против северных милитаристов в 1926–1927 гг. (*примеч. ред.*)

³ Чэнь Дусю, мягко говоря, не разделял идеи радикалов в КПК и Коминтерне о «насаждении советов в Китае» и «аграрной революции [с конфискацией]», возмнивших, что наивное крестьянство «непреренно возликует, едва услышав заветное „делите землю“» [6, с. 402].

Куда как «революционнее» массы становились после глумлений и казней, которым подвергались «угнетатели и их приспешники» на общедеревенских сходах (обязательный регламент — «попробуй увильни»). Публичность расправ, наглядность мучений, участие («не отмоешься») как ничто другое делало крестьян послушными воле новых властителей. Читаем, к примеру, донесение секретаря одного из уездных парткомов Хэнани, написанное как раз после подобной экзекуции: «Снова спрашиваю: „Так вы за революцию?“. Ответствуют, мол да. „А как делать революцию?“ — такой вам вопрос. Кричат наперебой: „Убивать подчистую *тухао* и *иэньши*“. Интересуюсь: „А дальше?“. Помолчав, бормочут: „Поубиваем, а там видно будет“» [10, с. 43].

По жестокости обрушенного на деревню насилия китайские коммунисты немногим уступили российским большевикам, однако не превратили террор в системный и бессрочный. Преимущественно инцидентная по своему характеру политика КПК «жги и убивай» осуществлялась около полугода и к весне 1928 г. была низведена к формату «повседневного устрашения и наведения ужаса часом», убивать убивали, но так, „для остратки“⁴. Тем не менее искать корни «ослаблений» в мягкотелости её проводников не следует. «Няньгуаньская бойня», учинённая Чжу Дэ в Южной Хунани и финишировавшая ответной, ещё более кровавой, резнёй красных (см. [8, с. 40–44]), выявила совершенно очевидную угрозу срыва всех начинаний компартии на селе, принудив её к попыткам привести мобилизационный арсенал хотя бы в приблизительное согласие с векторными мотивациями крестьянства.

Перед лицом обнажившегося флюгерного, а вернее сказать, адекватного восприятия массами нагрывавших потрясений и биологически простейшего желания «спрятать голову в песок» коммунисты (наряду с репрессиями и демагогией) не могли пройти мимо и не угодить их «шкурной занозе», как в иных документах КПК именовалась неизбежная нужда деревенских низов в «пропитании, одежке, обувке»⁵ [13, с. 56–57]. В отличие от неохоты связываться с

⁴ Подробно о масштабах, формах и исполнителях красного террора в советских районах см., например, [11, с. 51–68].

⁵ В разговорах по душам партийцы рассуждали так: «Наш крестьянин... Да не покажешь ему плоски риса, за тобой он никогда не пойдёт». Из гоминьдановской печати: «Весь вопрос в бедности, а не в вере и тем более принципах. Одна и та же компания крестьян и крестьянок сегодня *лянминь* (благонравный народ), завтра *гунфэй* (бандиты-коммунисты), послезавтра снова *лянминь*» (цит. по: [12, с. 69]).

чужой землёй⁶, мало кто из обречённых на революцию отказывался поучаствовать в грабеже движимого имущества богачей. И подачки из «трофеев» Красной армии становились самой лакомой приманкой в западной революции. Вообще заблудшие адепты конфуцианской морали не злом воспринимали экспроприации в городах, куда в хвосте войск нескончаемым потоком плелись с тачками, коромыслами и мешками; «с такой рачительностью изымали излишки у *хаошэнь*, будто трудились в поле; так азартно шныряли по лавкам и кабакам, что красноармейцам приходилось открывать стрельбу в воздух, дабы разогнать мародёрствующие толпы» [16, т. 1, с. 263; 17, с. 134–135, 141].

И в этой связи оставим без комментариев беспочвенное суждение Мао Цзэдуна о якобы особенных революционных потенциях китайского крестьянства и, шире, позднейшую, не менее абсурдную, доктрину «деревня окружает город», тех, кто выказал свою полнейшую несостоятельность по меньшей мере к началу «бегства на запад», или, что более привычно глазу и уху, «Великого похода». Крестьянам, имевшим — в пике лелеющим революцию как самоцель коммунистам — вполне здоровое, земное представление о ней как синоминутном малом, но непременно *осязаемом* улучшении бытия, с КПК было совсем не по пути. Понимали борцы с «феодальными пережитками крестьянской природы» эту залегающую на поверхности истину или нет (скорее, да), но в повременных партийных бумагах сетования на то, что «массы не способны бунтовать», «непоколебимо привержены традиционным устоям» и т.п., встречаются сплошь и рядом. «Несмотря на усиленную пропаганду и продвижение в жизнь лозунга „потроши мироедов“ (*да тухао*), — сообщается, в частности, в докладе лунъяньского укома КПК Западной Фуцзяни (январь 1928 г.), — крестьяне пекутся только об одном, чтобы поскорее восстала мирная жизнь, и не найдут успокоения, пока идёт революционная война» [18, с. 17–18].

⁶ Земельный передел, особенно в деревнях с господствующими родовыми отношениями *цзунцзу*, крестьяне считали неприемлемым и, мало того, незаконным. Фундаментальным свидетельством такого отношения к «аграрной революции» является положение с владельческими правами в Центральной опорной базе, де-факто не претерпевшими ощутимых изменений на протяжении всей советской эпохи. Невзирая на строжайший контроль, наделённые землёй бывшие арендаторы либо продолжали тайно осуществлять платежи прежним хозяевам, либо имитировали обработку таких наделов (см.: [14, с. 300]. Существовал только один способ «легитимации» навязанных властью земельных приобретений — убийство прежнего собственника, причём вместе со всеми домочадцами (дабы не осталось наследников), в известной мере характерное для «пёстрых» уездов, населённых наряду с «богатыми кланами» общинами лишенцев и хакка (*кэцзя*) (см.: [8, с. 60–61; 15, с. 119]).

Сколь «никудышными» оказались движущие силы советской революции в деревне, пожалуй, первым в верхушке КПК осознал Пэн Гунда, секретарь хунаньского парткома, наконец-то поддержавший классиков марксизма, а не грядущего мессию Поднебесной. «...Крестьянство *политически* ничего из себя не представляет» [19, т. 1, с. 35], — такова была его оценка «врага, погубившего все прежние революции», по мысли Ленина [20, с. 163].

С отрезвлением зачинателей тотального переворота в деревне начинается несколько другая история «экспроприации мироедов» как его главного лозунга (подчеркнём, *да тухао* в революционном дискурсе периода манифестируется первым, *фэнь тяньди* [«дели землю»] — вторым, а не наоборот) не «в опоре на массы», как приемыши вешают квазинаучные издания КПК, и даже не на партийно-политическую работу (о чём, понятно, писать не принято), но на армию, заместившую собой по сути все инструменты и формы борьбы. Оголтелая апология вооружённого насилия становилась такой, — в это трудно поверить, — что иные из правоверных партийцев уже щеголяли эпатажным «Красная армия крепнет, компартия испускает дух». А далее, «забросив массы куда подальше», устремлялись к оглашению конечного «*Хунцзюнь* (Красная армия. — *Ред.*) — это наше всё!» (16, т. 1, с. 166; 21, с. 134).

Потому, несмотря на лукавые указания сверху «вести *да тухао* с привлечением народа и для народа», в практике право на грабеж, — а теперь он именуется не иначе, как *чоукуань*, т.е. фандрайзинг (нелепо, но слух не режет), — целиком и полностью узурпировали вооружённые силы. Была и другая причина коррекции курса. Где-то за полтора-два года изнурительных изъятий (работа требовала немало сил, терпения и креатива, поскольку *тухао* за просто так делиться добром не помышляли) кошельки «доноров» из советских «подданных» иссякли, и для поиска новых источников финансирования проекта «революция за ваш счёт» потребовались рейды сначала в пограничье (т.н. новые земли), затем в белые районы. «Трансграничный/партизанский разбой», как окрестил эскалацию стяжательства коммунистов сельский обыватель, при том, что внутренний неумолимо продолжался (пришёл черёд пусть и не отчаянной гольтёбы, но заурядных бедняков), стал сущим адом для всех, кто «имел хоть что-то, кроме стен и кровли над головой» (см.: [22, с. 56–70]).

Если учесть то обстоятельство, что крестьяне в советских анклавах подвергались (помимо раскулачивания) нескончаемым «распи-сочным» реквизициям зерна, денежным выплатам по «оборонным займам» и «добровольным отчислениям в пользу фронта», то совокупное бремя здешних поборов очень скоро превысило показатель

подконтрольных Гоминьдану территорий в три раза. Отсюда немудрено понять, почему в народной молве на многие годы вперёд закрепились самое печальное из откровений «освобождённого от гнёта помещиков и *тухао*» крестьянства — «свыкайся с нищетой» (см.: [14, с. 283–287; 9, с. 152].

Кампании *чоужуань* предваряли либо сопровождали каждую более-менее крупную войсковую операцию *Хунцзюнь* (а многие для того только и проводились), не говоря уже о партизанских формированиях, у которых, судя по свидетельствам, других занятий не было и вовсе (см.: [9, с. 111, 114–116]). «Вооружённая борьба с реакцией» пополняла казну изрядными финансовыми средствами, поначалу во всяком случае достаточными для погашения непомерных военных расходов и содержания целого сонмища партийно-советской бюрократии (в ЦСР от 300 до 400 тысяч *ганьбу* и обслуги, армейских чинов и воинства на 2,2 миллиона населения) [14, с. 287]. Поражаться, между тем, следует не числу профессиональных бездельников от идеи, но непревзойдённо кощунственным сентенциям их верховодов вроде Чжан Вэньтяня, возглашавшего, что «ради победы китайской революции крестьяне не могут не пойти на *некоторые* жертвы». И они, не имея шанса быть услышанными («есть что сказать — не скажешь, есть что делать — не сделаешь»), действительно «шли»: обратились в запустение поля; обветшали прежде богатые деревни; Цзянси, исконно опережавшая соседей по сборам зерновых, при «народной» власти впервые познала «свирепый голод» [14, с. 288; 23, т. 1, с. 235; 24, с. 57].

Сколь бы ни были тяжелы страдания «трудового крестьянства» (над ним хотя бы не издевались и не вырезали семьями от мала до велика), жизнь и судьба тех, кому выпало стать «классовыми врагами» (кстати, нередко или в норме весьма почитаемыми в деревне людьми, к тому же далеко не всегда слишком уж и зажиточными [9, с. 99–100]) и спонсировать революционные борения коммунистов, сложились поистине трагически. Для них не отводилось места на этом свете, «если не убьют, умрёшь с голода». За иллюстрациями далеко ходить не надо — ими буквально испещрены распорядительные и отчётные документы КПК той поры. Так, в октябре 1928 г. 2-й съезд советов пограничного района Цзянси–Хунань единогласно постановляет «без сожаления убивать *дичжу* и *хаошэнь* вместе с прихвостнями», «изымать всё имущество до соломинки», а «во исполнение сформировать *чишадуй* (букв.: „отряды красных палачей“). Месяцем позднее, не желая отставать от ударников, западно-фуцзяньский особком уже рапортует инстанции: «Сегодня в советских деревнях почти все подлежащие расправе *тухао* казнены, остальные сбежали;

пожитки конфискованы полностью; нельзя сказать, что паршивый элемент искоренён по всему району, но большинство — это факт» (см.: [19, т. 1, с. 190; 25, с. 162]).

Не отвлекаясь на детали и нюансы *чихо* («красного бедствия»), как нарекли своё несчастье «угнетатели», а также технологии грабежа (изложены в учебном пособии для командиров и политработников КитРККА «Что нужно знать о *чоужуань*»; см.: [26, с. 128–129]), отметим лишь наиболее примечательный из присущих ему приёмов, сверхприбыльный для исполнителей, с одной стороны, с другой — самый тягостный и мрачный для жертв. «Панихида по барану» в его шифрованном названии означала банальный киднеппинг, но поставленный на поток. Взятых в белых районах заложников («баранов») содержали в трудовых лагерях-резервациях ГУПО (всегда забитых до отказа — в спешке хватали «добычу» с запасом) и через штат посредников вымогали деньги у родни. Выкуп тем не менее не означал освобождения и, как правило, несчастных убивали (оттого и «панихида») [27, с. 440; 28, с. 328]⁷. Имели место случаи похищения даже малолетних детей (за любимое чадо платили кратные суммы), чем, например, не побрезговал и получил 3 тысячи серебром небезызвестный Тао Чжу, в 1966–1967 гг. четвёртый человек в иерархии КПК, а тогда секретарь особкома в фуцзяньском Чжаншу [29, с. 134–135].

* * *

Генерал армии Су Юй, вспоминая бесчинства наньчанских повстанцев в походе на юг, рассказывает: «...Дисциплины нет, личный состав и командиры занимаются вымогательством и грабежом, бойцы в харчевнях едят-пьют от пуза и, не заплатив, уходят. А то ворвутся в лавку, шлепнут гранату на прилавок и ну гоготать: „Хозяин, как ты думаешь, на сколько эта штукovina потянет?“» [30, с. 35]⁸. Так начиналась «аграрная» революция КПК, так она и закончилась.

⁷ Если сам *тухао* или семья не собирались платить (бывало и такое), жертве отрубали голову и отправляли её вместе с приговором («перечнем преступлений») по месту жительства. «Мелкий улов» (выкупной платёж менее 200 юаней), в отличие от толстосумов, имел определённые надежды вернуться домой, т.к. время от времени власти с целью сократить расходы на содержание заключённых проводили «упорядочения» и отпускали «неперспективных» (см.: [22, с. 66]).

⁸ Пока мятежная рать вершила разбой, её вожди горячо дискутировали на предмет того, что же предпочесть — «потрошить всех подряд» (развёрстку) или только «кровососов» (*да тухао*). По Ли Лисаню, за «всех подряд» выступали Тань Пиншань и Линь Боцой, за «классовый подход» — Сюй Тэли, Юнь Дайин и Чжоу Энлай. Спорили долго, но, окончательно убедив-

Литература

1. Миньчжу гэмин шици Чжучжоу данши цзыляо (Документы по истории парторганизации Чжучжоу периода демократической революции). Чанша, 1989.
2. *Гао Юйхань*. Цзюсы ишэн (Всем смертям назло). Чэнду, 1945.
3. *Цзинь Чунци*. Цун сюньмэн синци дао дежу дигу (От неуправляемого наката к неотвратимому спаду) // Цзиньдайши яньцзю. 2004. № 6. С. 20–55.
4. *И Фэнлин*. Чуаньтун шили юй туди гэмин (Сила традиций и аграрная революция) // Суцзой яньцзю. 2015. № 3. С. 60–74.
5. Минь-Юэ-Гань бяньюй гэмин лиши вэньцзянь хуэйцзи. 1927–1931 нянь (Документы по истории революции в пограничном районе Фуцзянь–Гуандун–Цзянси. 1927–1931 гг.). Гуанчжоу, 1987.
6. *Тан Баолин*. Чэнь Дусю дачжуань (Подробная биография Чэнь Дусю). Сянган, 2011.
7. Хунань гэмин лиши вэньцзянь хуэйцзи. 1927 нянь (Документы по истории революции в Хунани. 1927 г.). Чанша, 1997.
8. Сяннань ции цзай Ичжан (Южно-хунаньское восстание в Ичжане). [Б.м.], 1987.
9. Цзянси гэмин лиши вэньцзянь хуэйцзи. 1932 нянь (Документы по истории революции в Цзянси. 1932 г.). Наньчан, 1992.
10. Э-Юй-Вань гэмин гэньцзюйди (Революционная опорная база Хубэй–Хэнань–Аньхой). Т. 3. Чжэнчжоу, 1990.
11. *Жэнь Вэй*. Гэмин баоли дэ юаньци юй тэчжи: и «хунсэ кунбу» вэй чжусиньдэ таньтао (Источники и особенности революционного насилия: «красный террор») // Тайвань Шида лиши сюэбао. 2014. № 6 (51). С. 51–68.
12. *Чжан Хунцин, Сяо Вэньян*. Нунминь сингэ юй Чжунгун дэ сяньцунь дуньюань моши (Крестьянский характер и методы КПК по мобилизации деревни) // Чжаньлюэ юй гуаньли. 2012. № 5. С. 60–82.
13. Синго вэньши цзыляо сюаньцзи (Избранные материалы по культуре и истории Синго). Т. 2. Наньчан, 1990.
14. *Хуан Даосюань*. Чжуньян суцзой дэ гэмин: чжанли юй сяньцзе (Революция в Центральном советском районе: напряжение и предел). Пекин, 2011.
15. Хайлуфэн гэмин шилиао (Материалы по истории революции в Хайлуфэне). Т. 2. Гуанчжоу, 1986.
16. Чжуньян гэмин гэньцзюйди шилиао сюаньбянь (Избранные материалы по истории Центральной революционной опорной базы). Т. 1–2. Наньчан, 1982.
17. Гуандун гэмин лиши вэньцзянь хуэйцзи. 1927–1928 нянь (Документы по истории революции в Гуандуне. 1927–1928 гг.). Гуанчжоу, 1988.
18. Фуцзянь гэмин лиши вэньцзянь хуэйцзи. 1928–1931 нянь (Документы по истории революции в Фуцзяни. 1928–1931 гг.). Фучжоу, 1985.

шись в том, что крестьяне от их революции разбегаются кто куда, порешили: «Были б деньги, какая уж тут политика» (см.: [31, с. 55–56]).

19. Цзинганшань гэмин гэнъцзюйди (Цзинганшаньская революционная опорная база). Т. 1–3. Пекин, 1987.
20. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 44.
21. Цзянси гэмин лиши вэньцзянь хуэйцзи. 1933–1934 нянь (Документы по истории революции в Цзянси. 1933–1934 гг.). Наньчан, 1993.
22. Жэнь Вэй. «Да тухао»: Хунцзюнь цзаоци лянши дэ доцюй цзи ци куньцзин («Да тухао»: трудности изъятий провианта Красной армией начального этапа) // Эршии шицзи. 2010, № 2 (153). С. 56–70.
23. Минь-Чжэ-Вань-Гань гэмин гэнъцзюйди (Революционная опорная база Фуцзянь-Чжэцзян-Аньхой-Цзянси). Т. 1–2. Пекин, 1991.
24. Дизрцы гонэй гэмин чжаньчжэн шици туди гэмин вэньсянь сюаньбянь (Избранные документы по аграрной революции в период Второй гражданской революционной войны). Пекин, 1987.
25. Хунсыцзюнь жу Минь хэ Гутянь хуэйи вэньсянь цзыляо (Документы и материалы по 4-му корпусу в Фуцзяни и гутяньской конференции). Фуцжоу, 1979.
26. Чжунго гуннун хунцзюнь дисы фанмяньцзюнь чжаньши цзыляо сюаньбянь. Фуцзюань (Избранные материалы по боевой истории 4-го фронта Китайской рабоче-крестьянской красной армии. Дополнительный том). Пекин, 1993.
27. Фан Чжиминь цюаньцзи (Полное собрание сочинений Фан Чжиминя). Пекин, 2012.
28. Цзянси гэмин лиши вэньцзянь хуэйцзи. 1927–1928 нянь. (Документы по истории революции в Цзянси. 1927–1928 гг.). Наньчан, 1986.
29. Игэ гэминдэ синцуньчжэ — Цзэн Чжи хуэйилу (Выжившая в революции: воспоминания Цзэн Чжи). Т. 1. Гуанчжоу, 1998.
30. Су Юй хуэйилу (Воспоминания Су Юя). Пекин, 2007.
31. Циньли Наньчан ции (Участники о наньчанском восстании). Наньчан, 2007.

*I.E. Pozhilov**

**One's fundraising, the other's robbery
(on “expropriation of exploiters” in the CCP's agrarian revolution)**

ABSTRACT: The paper presents a brief analysis of the CCP's policy concerning the ways and modes of fundraising with regard to so-called *tuhao* and *dizhu* during the agrarian revolution in China, as well as some other issues of the communists' mobilization of masses in the Soviet areas.

KEYWORDS: CCP, agrarian revolution, *da tuhao*.

Pozhilov Igor Evgenyevich, PhD (History), leading researcher of Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; E-mail: pozhilov1@yandex.ru